

О. М. Морозова, Т. И. Трошина

Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин¹

Женский социальный и политический активизм как явление революционного кризиса 1917 г. и последовавшей гражданской войны остается темой, находящейся под влиянием мифологем, созданных как победившей стороной в порядке героизированного самоописания, так и проигравшей — с целью оправдания своего поражения в вооруженном конфликте, который протекал с нарушением всех правил и традиций.

Компрометация этой части бунтующих толп началась задолго до главного в XX столетии кризиса России. Обобщая накопленный к началу этого века европейский опыт, О. Кабанес и Л. Насс предложили рассмотреть вопрос сквозь призму психиатрии: «...Они [женщины] были всегда несравненно неужимее мужчин и не знали никаких пределов своим страстям. Нельзя отрицать, что подчас они были способны на великие самоотверженные подвиги и на героические жертвы, но сколько наряду с этим проявлялось всевозможных чудачеств, сколько эксцентричности и изуверства, какие при этом говорились несообразности и сколько творилось нелепостей?..»² Главный автор «Нового Времени» М. О. Меньшиков, столь любимый читателями за то, что мог очень точно излагать их смутные настроения и страхи, так писал в 1907 г. об этой стороне русской революции: «Змеиным коварством смуты, подлогом высоких целей увлечены бесчисленные толпы русских женщин. Умственная незрелость, неуравновешенность, рабское подчинение моде, упадок национального инстинкта — все это делает гипноз бунта для них неодолимым. Глубоко веря в то, что они спасают родину, со-
вращенные женщины русские служат жалким орудием в руках врагов. Отдавая дьяволу свою жизнь и труд, эти несчастные

Морозова

Ольга Михайловна,

доктор исторических

наук, профессор,

Донской

государственный

технический

университет

(Ростов-на-Дону, Россия)

Трошина

Татьяна Игоревна,

доктор исторических

наук, профессор,

Северный (Арктический)

федеральный

университет имени

М. В. Ломоносова

(Архангельск, Россия)

женщины в том же духе воспитывают и подрастающее поколение, — зараженные сами, они заражают и детей своих»³.

Но это были запоздалые попытки осуждения. Еще со времен народничества был сформирован культ жертвенного борца с тираническим режимом, начавшийся с публикации в газетах протоколов процессов 1870-х гг., поддержанный литературой и превратившийся к 1905 г. в самодовлеющий элемент русской общественной жизни. Память о С. Перовской и О. Натансон, сентиментальная история-утопия об инсургентах и прекрасной девушке-работнице (популярный в России роман Ж.Б. Швейцера «Эмма»), роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, литературные произведения математика С. Ковалевской; покушения, совершенные З. Коноплянниковой, Е. Измаилович, М. Спиридоновой, и гибель первых двух, — все смешалось в особо чтимом женском типе революционной героини. А с 1930-х гг. эти страницы революционной истории прошли переработку в нормативный трафарет, и ярким его образцом могут служить несколько выпусков «Женщины в революции и гражданской войне», опубликованных редакцией «Истории гражданской войны в СССР». В последующие годы сохранялся характерный для революционно-биографической литературы стандарт повествования — с придыханием — о выдающихся женщинах в их бронзовом величии.

В постсоветский период наступил ренессанс критической традиции рассмотрения леворадикальной идеологии и практики. Под влиянием идей Л. А. Тихомирова, не видевшего в революционности политические или экономические основания, а лишь алкание абсолютного идеала (книга «Начала и концы. Либералы и террористы»), стало популярным изучение метафизических корней радикализма, бессознательной религиозности его адептов и других подвижек их мировоззрения в сторону иррациональности⁴.

Мы предлагаем вывести тему за рамки проблемы психической патологии, используя в качестве источника наших построений преимущественно низовой уровень советской мемуаристики — тексты обычных работниц, крестьянок и, за редким исключением, образованных женщин, которые, впрочем, не покинули массовый слой. Чтобы избежать воспроизведения мифологем, содержащихся в самих текстах, мы будем ориентироваться в основном на фактологическую фабулу нарративов. Уникальные же тексты, которые позволяют увидеть особенности женского восприятия действительности, используются для аргументированного выявления мотивации участия в событиях тех лет.

Данная статья — это не гендерное исследование, в том смысле, что это не феминистский продукт. Поскольку основным объектом интереса являются представительницы народного мира, то в нем чувствуется скрытый биотерминизм в понимании мужественности и женственности. Кроме того, мы не ставим вопрос о несправедливости мужского доминирования в истории и не анализируем причины подавления женского в обществе⁵. В своих рассуждениях мы опираемся на комплекс теорий каузальности, начиная

с М. Вебера, который начал активно использовать понятие «каузальный фактор», встраивая его в канву исследуемых исторических связей, без чего история событий теряла свою релевантность⁶; а также используем идеи каузальной атрибуции Ф. Хайдера и Г. Келли о роли особенностей личного восприятия в оценке широкого перечня социальных объектов, что помогает учитывать обилие отклоняющихся от логического обоснования форм.

Итак: почему, образно говоря, русская баба, подвернув юбки, понеслась в революцию? Можно определенно сказать, что свою роль в изменении власти в России женщина выполнила: женские волнения в Петрограде привели к Февральской революции (существенной была роль женщин и в митинговой волне в провинции — они шили «красные флаги», при необходимости отдавая для этих целей «свои юбки»⁷, и т. п.)⁸; женщины-солдатки подталкивали своих мужей к скорейшему окончанию войны и наведению справедливого «социального порядка» на родине⁹.

Женщины патриархального мира консервативны в своей основе, поэтому для всяких существенных перемен необходима цепочка событий, которая обеспечивала бы незаметный и как бы естественный переход к нетрадиционному поведению. Одна из причин этого кроется в индустриализации, которая, с одной стороны, заставила женщин-крестьянок в отсутствие мужей-отходников заниматься не только женскими, но и мужскими видами работ, а с другой, способствовала пролетаризации занятых на производстве мужчин, что вело к ослаблению семейных уз, также вынуждая женщину искать возможности для содержания детей. Наметившиеся предпосылки вынужденной женской эмансипации усилились под влиянием затянувшейся мировой войны. Их стали брать на производство, например, на лесопильные заводы. Казармы при заводах не были приспособлены для проживания разнополых людей. По рассказу молодого рабочего, казармы были общими, женские места не были даже отгорожены: «Спали все подряд. Мужики и женщины, девушки, тут и мы, молодежь. Пьяные ночью валяются прямо на спящих. Шум, драки. Бывало, что и пьяные, и трезвые ночью насилуют женщин, девушек. А если какая будет не согласна, то... ночью выгоняют на улицу. Над девушками издевались: если какая спит и раскинется, тогда нахальничали над спящей девушкой, свечку ставили в половой орган и зажигали»¹⁰. Этот опыт оказался значимым для последующих решений: снимался психологический барьер, который препятствовал нахождению женщины в чисто мужском коллективе при отсутствии поддержки кого-то из родных и близких — мужа, отца, братьев.

В годы войны женщины — солдатки и работницы — основные подстрекатели и зачинщицы беспорядков в тылу¹¹. Первый опыт общественной активности солдатки приобрели благодаря царской администрации. Сама идея назначения пособий семьям мобилизованных соответствовала настрою общества в отношении консолидированного противостояния врагу, но то, что денежные средства выделялись только семьям призван-

ных из запаса ратников, рождало недовольство у остальных. Не встретив понимания у чиновничества, не получившие пособия женщины находили тех, кому их беда была понятна и близка. Невенчанная жена мобилизованного 2-го разряда, оставшаяся с тремя детьми, плача, обратилась к призывникам, собравшимся во дворе у воинского начальника: «У кого есть гражданские жены и дети, то сначала их поубивайте, тогда и идите на фронт; они без вас и так вымрут от голода». Этим она спровоцировала бунт мобилизованных¹². Разрушение семейно-брачных отношений, двоебрачие отходников, невенчанные жены и дети от гражданских браков — это тоже «примета» эпохи индустриализации.

Фактором провоцирования женского социального активизма был общий рост числа общественных движений после Февральской революции. Одним из самых «боевых» во многих городах был союз солдаток. Исполнение в нем должностей гарантированно приводило женщин к деятельности политического характера, а потом и к партийности — эсеровской или большевистской. Личная мотивация, представленная в воспоминаниях участниц революции и гражданской войны, могла быть диаметрально противоположной — от следования примеру мужа, набравшегося на фронте новых идей, до использования общественной работы как способа сбросить стесняющие семейные оковы. Так, жительница Ростова-на-Дону А. Ряженцева, мать шестерых детей и жена пьяницы-столяра, с детства обладавшая нереализованными социальными амбициями, включилась как солдатка в общественную жизнь и уже в марте 1917 г. выступала на митингах не только в Ростове, но и в других городах. Быстро поняла принципы классовой логики, организовала союз домашних работниц, от них попала в гласные Ростовской городской думы¹³. Для такой, «мужем битой», семейные узы были путями, которые можно было разрубить с помощью инструментов митинговой, союзной или партийной активности. Она чувствовала себя уже не женой своего мужа, а общественным человеком, находящимся под защитой мандата и полномочного органа.

Примечательно, что крестьянки и мещанки восприняли революцию как освобождение от семейного угнетения и домашнего затворничества. Избавление от ига капитала почти равнялось избавлению от побоев мужа¹⁴. Майкопские бабы обсуждали свободу так: «пусть мне муж больше не говорит стерва», и т. п. Революционные лозунги равноправия также понимались с помощью привычных логических операций. Появление на митинге по поводу отречения царя дам-благотворительниц в шляпках вызвало у баб на рынке на следующее утро всеобщее решение: велено всем носить шляпки¹⁵. После Февраля 1917 г. на деревенские сходы стали пускать и женщин. Мужики-односельчане говорили: «Проходите вперед, бабоньки, ведь вы у нас теперь равноправные, вместе воевать пойдем». И получали за это достойный ответ: «Ладно, мы воевать, а вам придется ребят рожать да нянчить»¹⁶. Равноправие понималось как своего рода идентичность полов. В этом отношении показателен снимок из фотофонда Вологодского областного архива новейшей

политической истории: женщины-делегатки (примерно 1919 г.) на фоне плаката «Женщины, в ряды мужчин!»

Трудно объяснить лишь нехваткой мужчин и прием женщин в Красную Армию. Буйствовать на митингах — это одно, но влиться в вооруженный отряд, подчиняться военной дисциплине и субординации, поменять внешний облик и ритм жизни — это совсем другое. Романтизированные образы красноармеек, большевичек, комиссарш стали благодарностью советской культуры тем, кто в грязи и крови, забыв про ценности старой культуры, боролся за новую жизнь. М. Светлов, Э. Багрицкий, А. Серафимович, Б. Лавренев постарались показать исключительный идеализм, самоотверженность и стойкость русских Жанн Д'арк, которые, по словам Светлова, отдавали костру классовых битв молодое тугое тело. Из «круглых рыбацких сирот» и гимназисток советским литераторам интереснее были вторые, в этом случае отступала своекорыстность революции, и проявлялся образ светлой зари всего мира.

Автобиографические тексты участниц революции и гражданской войны редко носят исповедальный характер, поэтому только реконструкция страниц их жизни, предшествующих их прыжку в «гнев, жадность, мрачный хмель разгула», может кое-что прояснить. Одну из ключевых ролей в этом сыграла Первая мировая война. Многие девушки, жившие своим трудом с ранних лет, но успевшие пройти хотя бы часть курса сельского или городского училища, попадали на курсы сестер Общества Красного креста, и получали работу сначала на эвакуационных пунктах, потом и в госпиталях¹⁷. В дальнейшем они занимались организацией санитарно-медицинской службы красноармейских отрядов, сформировывали и возглавляли санитарные поезда, рассматривая повышение своего профессионального статуса как одно из завоеваний революции.

В первые месяцы 1918 г., когда реальной опасности гражданской войны еще не было, женщины активно вступали в отряды «красной гвардии»; кого-то привлекали новые формы досуга (военное обучение), кого-то — дополнительный паек и слухи о том, что «будут давать ситец». По мере того, как проявлялся эгалитаристский вектор, рабочие и крестьянские отряды и организации привлекали женщин, столкнувшихся с классовой несправедливостью. Выявлены случаи ухода из богатых семей невесток бедного происхождения. Семья мужа ставила ей это в вину, если сын приводил голодранку в семью не по воле родителей. В его отсутствие на фронте такая сноха могла оказаться в нетерпимой ситуации. И в случае, если сыну в жены брали крепкую и работоспособную беднячку, чтобы иметь даровую работницу, ее положение батрачки было не лучше. Так, в дивизии Д. П. Жлобы была такая крестьянка, выданная замуж в кулацкую семью, которая ушла с красными медсестрой в лазарет, в то время как ее свекор и муж уже находились в белом отряде¹⁸.

«Вы потащились в армию, конечно, / Чай, за любовником? / Не верю я в безгрешных...», — вопрошал корнета Шурочку много повидавший в жизни старик Кутузов. Во-

йна — время трагическое, но и романтическое. В женских текстах нередко ощущается ностальгия по военному прошлому. Сильные эмоции, героические мужчины, да и сама женская молодость стоит того, чтобы предпочесть опасность покою. Немало любовных историй разворачивалось на фоне братоубийственной войны. Для кого-то те годы стали лучшими в жизни, и не только из-за пафоса борьбы (об этом они потом будут рассказывать пионерам), а потому, что их любимые, как тривиально это ни звучит, навеки остались молодыми, а других таких они в жизни больше не встретили. Эту часть своего прошлого большевички свято хранили в тайне, лишь иногда проговариваясь, отчасти намеренно: не могла же бесследно исчезнуть их горячая юность, их огромная и идейно чистая любовь. Куда-то уходят все прежние связи: мужа и даже дети, остается только она сама — смелая, находчивая, везучая. И где-то между строк угадывается этакий степной орел, ради которого это все. Жена фронтовика А. Сологуб в 1918 г. во Владикавказе вступила в отряд А. Гегечкори сестрой милосердия, хотя ранее никакого отношения к медицине не имела — была работницей на фабрике. Вероятно, основанием этого решения был высокий уровень социальной активности, который она накопила за год своей общественной жизни. Вместе с отрядом отступила в Грузию, где и пробыла до возвращения советской власти на Северный Кавказ. Есть основания полагать, что это связано с появлением в ее жизни другого мужчины, потому что мать трех детей не могла провести вне семьи более года без серьезных на то причин¹⁹. Найденный в одном из архивов текст некоего Якова Сидорова дает основания полагать, что это был он²⁰.

М. Зимина-Защепкина рассказала о своей матери Анне Васильевне Защепкиной, разведчице и связной «камышанского», то есть скрывавшегося в камышовых зарослях в пойме Кумы, отряда. Красивая девушка из семьи так называемых «иногородних» была против воли выдана замуж в богатую казачью семью. Призванный на Первую мировую

Рисунок сотрудника культурно-просветительной комиссии 5-го Латышского стрелкового полка

**Надписи на рисунке:
Из типажей Красной армии.
Учительница в полку
(Государственный архив Латвии)**

войну муж погиб, и родственники оставили Анну с пятью дочерьми без крова; они вынуждены были снимать землянку. К Анне сватался богатый вдовец-тавричанин, но она отказала ему, заявив, что уже жила в богатстве, да счастья не знала. В селе ходили слухи, что причиной ее отказа был больной тифом красноармеец 11-й армии Сидор Власов, которого выхаживала Анна и ее дочери. Потом мать ушла, оставив детей на старшую, тринадцатилетнюю, с тем, чтобы отвести в камыши Власова и еще нескольких желавших уйти из села. Незадолго до прихода красных разведчицу Анну схватили и повесили. Хоронили ее уже при красных, на похоронах был Власов²¹.

Чаще наши мемуаристы слишком сдержанны при описании подобных историй, а если и дают им оценку, то, как правило, негативную. В качестве примера следует привести тот редкий случай, когда историю, связанную с женщиной на войне, удалось увидеть глазами наблюдателей, находящихся по разные стороны фронта. Осенью 1918 г. на Северной Двине действовал красный конный отряд, которым командовал «стойкий коммунист» тов. Моравский²². Среди бойцов была «из [Петрограда] доброволец, барышня Роберт», и когда отряд был разбит и командир оказался тяжело ранен, барышня заявила, что готова сдать в плен, чтобы ухаживать за Моравским. Но дальше, по версии рассказчика, Роберт изменила; с аэроплана разбрасывали ее письма, в которых она сообщала, что Моравский умер, и приглашала служить в белую армию: «здесь хорошо кормят и вином поят». По воспоминаниям другого красноармейца, эта «барышня» вскоре в форме белогвардейского офицера прогуливалась вдоль красных окопов верхом в компании с белым офицером.

Совсем по-другому эта история виделась солдатам армий интервентов, которые рассказывали о ней в своих письмах на родину. Один из потомков канадского солдата дал возможность ознакомиться с письмами своего отца, а также с письмами других солдат, которые ему удалось разыскать. Их глазами представлена следующая картина: красным удалось захватить белогвардейский полевой госпиталь, и они уже намеривались перебить всех раненых и медицинский персонал. За пленных заступилась девушка в солдатской форме; она предложила сохранить жизнь пленным, чтобы потребовать взамен врачебную помощь для пленных раненых красноармейцев. Когда белые отбили свой госпиталь, там находился и тяжелораненый красный командир Моравский. Женщина, которая произвела впечатление на солдат своей красотой и неистовым нравом, добровольно осталась в плену, чтобы не бросать своего командира: по их версии — любовника или мужа.

Как правило, поступки женщины традиционного мира отвечали требованиям, которые предъявлял к ней муж. Политизация всех слоев российского общества в первых десятилетиях XX в. увеличивала число семейных женщин, включенных в различные виды политической деятельности. Федосья Васильевна Баранова, 1881 г. р., к моменту революции уже более десяти лет была замужем за матросом сначала Балтийского флота, потом

Онежской флотилии. В 1918 г., после прохождения трехмесячных курсов красных сестер при заводской больнице, она попросилась за мужем на фронт, отдав детей в ясли-сад. Она побывала и на Мурманском фронте, и в Заонежье, потом под Петроградом в период боев против Н. Н. Юденича, демобилизовавшись в 1922 г.²³ Такая активность далеко не всегда была результатом сознательного выбора. Как горьковская «Мать», жены так же верно выполняли то, что муж считал правильным. Объясняя причины своего поведения, авторы испартовских воспоминаний отмечали: «поскольку муж был партийный, я стала посещать собрания»; «муж был образованным, сказал, чтобы и я на политзанятия ходила»; «муж стал политическим, и я с ним на демонстрации ходила, а потом и сама стала женщин организовывать»; «муж в гражданскую воевал, и я пошла сестрой милосердия в Красную армию»²⁴.

Такую трактовку женской активности косвенно подтверждают рассказы, в которых запечатлелась и непоследовательность поведения, и зависимость от традиционных трансляторов общественного мнения. Так, архангельская работница Мария Останина в 1917–1918 гг. записалась в военизированную женскую группу под влиянием «жившего» с ней Якова, который состоял в партии: «Стали обучать нас военному делу — держать, разбирать, чистить винтовки, ходили на маневры. Ходила я в брюках, в рубашке. Сама ухажу, а четверо детей дома остаются. Потом ребенок родился, не крестили его. Над нами стали смеяться, а ребята наши выйдут на улицу, над ними тоже смеются – татарчонки, говорят, некрещеные. Я хотя в бога не верую, в церкви чуть не 9 лет не бывала, а все же не вынесла насмешек. Написала я в ячейку заявление о выходе из партии. Первый раз не упустили. Написала заявление вторично, где указала причину, что я хочу крестить ребенка, ну, меня и выписали»²⁵.

Жену заставлял «прилепиться» к мужу и страх в полной мере ответить перед его врагами. Жену Б. М. Думенко запероли насмерть. Жена Я. Балахонова Наталья скрывалась два года от белых по чердакам и подвалам. Ее родных пороли. Чтобы белые не опознали ее маленького сына, 6-ти лет, того одевали в платье и звали Полей, а не Колей²⁶. Поэтому пребывание командирской жены при муже никого не удивляло, но вместе с тем и не приветствовалось. Комиссар Н. Кузьмин выступил в армейской печати «против присутствия в обозах женщин, которые разъезжают на мобилизованных у крестьян лошадях, и для которых их временные мужья требуют брички, а иногда запускают руки в крестьянские сундуки, чтобы подарить платок или платье. Для укрепления стойкости армии необходимо из всех батальонных, полковых, бригадных обозов изъять женщин, разъезжающих, гоняющих лошадей и в момент неудачи наводящих панику»²⁷. Свидетельств, когда командиры шли на все, чтобы спасти собственных жен, даже ценой жизни своих товарищей, в истории Гражданской войны немало. На Пинеге в качестве заложников были взяты члены уездного исполкома, среди которых находилась жена комиссара фронта Кулакова.

Булле Мильда Оттовна (1892–1938)
Фото середины 1930-х гг. (РГАСПИ)

Латышка, дочь народного учителя. В 1911–1917 — сама народная учительница, затем газетная работница. В годы Первой мировой войны оказалась в Ставропольской губ. вместе с больным туберкулезом мужем Ф. Х. Булле. С февраля 1918 г. — большевичка, избрана секретарем Кисловодского горнома партии большевиков и секретарем Кисловодского совета. Осенью 1918 г. назначена политкомиссаром 1-го рабочего полка Совета обороны Северного Кавказа. В боях за Эссентуки заменила заболевшего тифом командира полка Кофанова, за что в 1927 г. была награждена орденом Красного Знамени. С апреля 1919 г. — нач. политотдела 7-й кавдивизии 11-й армии. С июня 1919 г. — зам. начальника политотдела 11-й армии С. М. Кирова. Осенью 1919 г. избрана секретарем Астраханского губкома РКП(б). В 1920 г. — зав. агиторготделом

ЦК Азербайджана, член Бакинского совета. Работала в органах Гилянской республики, была избрана отв. секретарем ЦК Иранской КП(б). С августа 1921 г. — в НКВД референтом по Персии, затем — в НК по делам национальностей и в Совете национальностей. Училась в Военной академии РККА. В 1929 г. — член комиссии по чистке партии. С осени 1929 г. — в Коминтерне. С 1933 г. — в Башкирии, куда ее муж Б. Д. Абуков был направлен на работу. В 1937 г. арестована в должности и.о. наркома здравоохранения Башкирии. Расстреляна 13.07.1938.

После длительных переговоров ему удалось «вытащить» свою жену, остальные были предоставлены своей злой судьбе²⁸.

Особо драматические описания того, что пришлось перенести, принадлежат женам «камышанцев». Марию Шейко пороли в три плети и отдали родным умирать. Она месяц висела на полотенцах вниз лицом. Раны ей лечили смесью льняного масла, картофельной муки и серной присыпки. Другую избитую жену, Татьяну Соколову, мать выкупила за сливочное масло, молоко, гусей и кур. Ту лечили по другому рецепту — желтой глиной. Одна из сестер Соколовой, тоже «камышанка», была замучена — ей отрезали груди, пальцы, уши, выкололи глаза, отрубили голову. Ее детей прятали от белых в кровати, в кадушках, в подвале; один из детей умер. Партизаны-камышанцы стремились забрать семьи из сел. По свидетельству Ф. Макушенковой в камышах укрывалось до 30 женщин с 45 детьми²⁹.

Расправы над женщинами, объяснимые только чувством мести, делали гражданскую войну еще более беспощадной. Чаще такие сюжеты можно встретить в женских воспоминаниях; в мужских же они практически отсутствуют: что значит какая-то баба с ее бо-

лю по сравнению с великими событиями?! Красный кубанский казак Дмитрий Карпович Запорожец в автобиографии вскользь упоминает, что белыми была запорота его жена, но сожалениям по поводу ранений «любимого жеребца Киргиза и других кобыл» он отвел куда больше места³⁰.

Обратимся к приемам микро-истории и внимательно посмотрим на судьбы некоторых женщин, в отношении которых нашлось достаточное количество информации. Эти казусы, «забавные истории», как подчеркивал Ф. Бродель, носят симптоматический характер, позволяют увидеть за уникальными случаями общее, закономерное³¹.

В одном из фондов бывших Комиссий помощи демобилизованным красноармейцам и красным партизанам хранится многостраничное дело Матрены Прокофьевны — вдовы известного красного командира-таманца Георгия Анатольевича Кочергина (1885–1934), которое показывает достаточно типичную историю женщины времен войны, перемесившей страну без мер и пределов³². Ее собственные воспоминания, выполненные в стиле революционной дисторсии, когда все события и поступки интерпретируются как усердная деятельность автора на благо советской власти, соседствуют с текстами бывших сослуживцев мужа, которые при его жизни не смогли отказать ему и дали командирской жене «подписку» (для подтверждения участия в красноармейском отряде), а после его смерти посчитали себя свободными от обязательств и представили другую версию ее прошлого.

В результате сопоставления документов и содержащихся в них версий событий получилась следующая картина. Матрена Кочергина, урожденная Кулиничева, несмотря на то, что была иногородней, смогла пройти обучение при Лабинской отдельской войсковой больнице, получить звание ротного фельдшера, что вполне могло привести ее в состав казачьих отрядов, в чем и обвиняли ее бывшие сослуживцы умершего мужа. Обличители Кочергиной утверждали, она даже имела орден Св. Георгия 4-й степени. Ими двигало не чувство справедливости, а зависть, порожденная неравным распределением благ: «Товарищи!!! Разве это допустимо, не пора ли положить предел безстыжей жадности этим белым паразитам...»³³

В середине октября 1918 г. в районе Святого Креста Матрена попала в плен к 4-му кавалерийскому эскадрону под командованием Кочергина. Положение пленной некий Данилов описал так: «...Она[,] желая расположить к себе бойцов, отдалась всему эскадрону, который ее употребил[,] после чего ее возили в тачанке с почетом за отрядом[,] и она стала затем женой т. Кочергина... В отряде она никакой работы не вела даже как сестра, а разъезжала с отрядом просто как жена командира отряда тов. Кочергина»³⁴. В дальнейшем Матрена следовала за мужем по фронтам, пережив вместе с ним махновский плен, мысли о самоубийстве и ожидание расстрела.

В истории с Матреной Кочергиной нашел отражение один из парадоксов той войны. Казалось бы революционное время должно было несколько затушевать половую

идентичность — именно тогда провозглашались идеи равноправия, равного участия в защите революции. Это коснулось в первую очередь женщин, в результате чего возник своего рода социокультурный конфликт: женщины осознавали себя «товарищами по оружию», а большинство мужчин продолжали видеть в них представительниц противоположного пола, объект «восхищения» и «вожделения», особенно обостряющегося во время войны.

Другой казус — это история «героического пути революционерши» Марии Галактионовны Макаровой, жены и соратницы участника волнений 1905 г., командира красного партизанского отряда на Екатеринославщине Никиты Мефодиевича Макарова³⁵. В 1918 и в 1919 гг., когда территория находилась под контролем немцев, а потом и деникинцев, она выполняла разведывательную работу, сама и с помощниками добывала секретные документы, собирала сведения, участвовала в разложении войск.

Мария была дочерью стрелочника (низовой слой рабочего класса), но вышла замуж за квалифицированного рабочего-токаря (рабочая элита). Муж был старше ее, и Мария восприняла его образ мыслей. Но в период ее девической жизни она уже получила боевое крещение в противостоянии с полицией — спасла подпольщиков, укрыв на себе сверток с листовками и револьвером. Эти события принесли ей, с одной стороны, эмоциональный стресс, с другой — стали ситуацией ее личного успеха, когда она не только оказалась в роли победителя, но и получила признание других, пережила чувство личной значительности. После 1917 г. общая мотивационная готовность, наложившись на азартность натуры, получила развитие, наполнилась дополнительным смыслом — переиграть и победить. Мария имела хороший лидерский потенциал. Кроме интеллектуальных и волевых качеств ее воспоминания показывают сильную мотивацию к власти, желание организовать других, быть главной, готовность брать на себя ответственность за работу группы.

Марию не смущало, что у нее маленькие дети. Девочек двух и четырех лет она использовала (!) в своей работе: «Я взяла на руки Лиду, предварительно зарядила воззваниями». Она таскала их с собой по холоду, пешком, или возя в набитых людьми вагонах, рискуя их детскими жизнями, благополучием, добавляя им бытовых неудобств и привнося в их жизнь дополнительные испытания. При этом нельзя сказать, что она не любила своих детей. В ее описании присутствуют свидетельства материнской нежности: «Еле пришла на квартиру со своей драгоценной ношей, а она крошка пригорнулась и шепчет: „Мама, мама“. Не видела я дороги за слезами». Однако приоритеты революционной борьбы были для нее настолько сильны, очевидны и естественны, что Макарова не пыталась объяснить или оправдать свои действия с детьми. Наоборот, некоторые фрагменты ее жизнеописания свидетельствуют: она понимала, что делала («Приходилось выполнять самые сложные и секретные задания в большинстве случаев со своими малютками, подвергая свою жизнь и жизнь детей смертельной опасности»); более того, возможно, в ее глазах это являлось свидетельством настоящей преданности делу.

В описаниях Марии Галактионовны все эпизоды ее борьбы — это не борьба, а состязание, где задача — не уничтожить, а перехитрить, обыграть. У нее совершенно нет негативных описаний противника, все описываются как обычные люди, часто добрые и переживающие, перед которыми даже может быть стыдно, что приходится врать. Они соперники в игре, но никак не классовые враги. Более того, постоянно подчеркиваются их человеческие качества: то накормили и посочувствовали, то помогли в поезде отбиться от преследователей, то не сказали офицеру, что роженица, т.е. сама Мария, убежала из хаты, а потом не дали убить ее новорожденного ребенка. Даже деникинские офицеры, у которых похищали документы, описываются живо, с насмешкой, но без ненависти, неприязни. Для нее каждое задание — очередная «шахматная партия», каждая ситуация — игровые условия. И даже о смертях в результате этого «состязания» сообщается как о счете в игре, бесстрашно. Вообще, ее восприятие, описание своей деятельности и эпизоды, представленные в тексте, очень характерны для воспоминаний разведчиков. Это именно их особенность — воспринимать окружающую реальность как контекст игры, в которую они вовлечены.

Были и такие женщины, которые — «ни любовница, ни сестра, ни жена». Невозможно определить пропорцию женщин, которые оказались в рядах Красной Армии, уйдя вслед за мужчиной, и тех, кто был «сам по себе». В своих мемуарах обычно все старались окантоваться в группе последних.

В качестве показательной истории одинокой девушки крайне интересна судьба Евгении Семеновны Павловой, 1901 г. р., дочери токаря из Орехово-Зуево. После увольнения отца за участие в волнениях 1915 г. она бедствовала, голодала, бралась за самую тяжелую работу, даже разгружала вагоны с дровами. Работу на фабрике ей удалось получить только в 1917 г. с помощью появившегося фабзавкома. Вместе с фабричным красногвардейским отрядом, но не в его составе, выехала на борьбу с белочехами — как утверждала, по идейным причинам: чтобы не были распущены комитеты. Но где-то у линии фронта ее высадили из поезда, и она пристала к автоотряду-мастерской 9-й армии Кавказского фронта. Ее гнали оттуда, говорили, что еще совсем девчонка, но она никуда не уходила. Да и куда идти? В конце концов, ее зачислили в отряд красноармейцем. Там она работала при штабе как культработник и переписчица. А когда в конце весны 1919 г. командный состав был призван на борьбу с отрядом Сапожкова, осталась за командира. После возвращения руководства продолжала исполнять обязанности заместителя. Вскоре она попала в автоаварию, получила сильную контузию, оглохла на одно ухо и почти ослепла на один глаз³⁶.

Женщин в Красной Армии провожали презрительными взглядами, потому что они занимались неподобающим делом в неподходящем обществе, однако полноправно именующих себя красноармейками было немного. Опыт батальона Марии Бочкаревой

**Канская Мария Федоровна,
урожденная Пожидаева, 1901 г.р. Фото 1932 г.
(Государственный архив Ростовской области)**

Дочь рабочего-железнодорожника. До революции — ученица в швейной мастерской. В 1918 г. вступила сестрой милосердия в отряд Дашкова армии Сиверса. В феврале 1918 г. первый раз ранена в боях за овладение Ростовом-на-Дону. По выздоровлении вступила в 1-й Черноморский Таганрогский морской батальон М. А. Канского. Служила помощником начальника пулеметной команды в бронепоезде №89 под командованием Канского. Участвовала в боях против армий Н. Н. Юденича, С. В. Петлюры, А. И. Деникина. Имела одно ранение и контузию. В 1920 г. демобилизована. По состоянию на 1930 г.: разведена, инвалид 3 группы, безработная.

показал, что русская женщина была не готова к роли бойца. Главное управление Генштаба 17 октября 1917 г. констатировало: «Женское военное движение, столь усиленно муссированное печатью и ходатайствами отдельных лиц и целых организаций в начале революции, не оправдало своего существования»³⁷.

За время работы с фондами Истпарта и Комиссий помощи демобилизованным красноармейцам и красным партизанам через руки авторов прошли тысячи ветеранских биографий, из них около сотни — женских, и оказалось, что стреляющая или рубящаяся в бою красноармейка — явление крайне редкое. Основной из боевых женских специальностей была должность пулеметчика. В красногвардейском отряде, созданном в Ясиноватой, состояла Фекла Кондратьевна Литвинова, которая, самостоятельно освоив стрелковое оружие, проявила себя как пулеметчица и снайпер. По словам ее младшей сестры Ефросиньи, та не любила свое имя, потому что в детстве ее дразнили «Фекла, выдь из пекла», часто одевалась в мужскую одежду и выглядела так, что не отличишь от парня, и тогда называлась Степаном³⁸. Известна еще одна пулеметчица, Мария Канская, служившая на бронепоездах и получившая в боях ранение и контузию³⁹. Калмычка Нарма Шапшукова, вступив в 1918 г. в отряд Маруси Никифоровой, воевала в корпусе С. М. Буденного, рубилась в сабельном бою наравне с мужчинами. Под селом Султаново она спасла жизнь командиру полка А. Стаценко, застрелив из револьвера казака, занесшего над ним саблю.

В дальнейших сражениях она получила контузию, долго болела, у нее ослабели память и слух. После войны пыталась учиться, но не осилила учебную нагрузку.

Действительно массовыми женскими «профессиями» в Красной Армии были культпросветработа, интендантская и канцелярская служба, медицина. В 1919 г. были созданы культпросветкомиссии полков, находившиеся под патронажем политотделов дивизий. Реально они работали, когда части находились в тылу на отдыхе и на переформировании. Система ликвидации неграмотности среди военнослужащих была двухступенчатой: на двухнедельных курсах ликвидаторов неграмотности нередко преподавали женщины, а вот непосредственным обучением грамоте солдат занимались их сослуживцы-мужчины, окончившие эти курсы. Одну из учительниц курсов карикатурно изобразил на рисунке сотрудник культурно-просветительской комиссии 5-го Латышского стрелкового советского полка, председателем которой был Озолин: этакая стриженная корпулентная дама в гимнастерке с плеткой, папиросой и книжкой под мышкой⁴⁰.

Один из зловещих мифов того времени — это женщина-палач, чекистка, кокаинистка, истеричка с помутневшим рассудком. Обратимся к запискам женщины, которая была причастна к проведению в жизнь «революционного порядка». Речь идет о левой эсерке Нине Иннокентьевне Введенской, весной 1919 г. — сопредседательницы Бердянской чека. Тот факт, что она — вдова расстрелянного дроздовцами комиссара городского совета Петра Введенского, может навеять мысль о мести как причине ее работы в чека. Конечно, Введенская тяжело пережила расстрел Петра. Она писала о своем состоянии в то время: «И не дает мне покоя острая боль от воспоминаний и ищу, все ищу в газетах, в жизни, в случайных встречах подробностей минувшего кошмара»⁴¹. Но основными были причины мировоззренческого и идейного характера. Когда в марте 1919 г. из Бердянска ушли деникинцы, и сложилась вторая многопартийная советская власть, то при распределении полномочий переходного ревкома во главе чека оказались Введенская и ее подруга — большевичка Тамара Бенуа. Как становится понятным благодаря тексту, именно для того, чтобы сделать террор более «упорядоченным»: «Увижу ли под горой в ямке, где столько уже перебивало трупов, новый вчера или сегодня попавший сюда [труп], и сердце сожмется, и какая-то странная связь между полем под Куцой (место расстрела Петра и других бердянских комиссаров. — О. М., Т. И.) и этой ямкой становится ясной и ощутительной и по времени будто близкой. И также бесцельной и ненужной кажется ямка эта с трупом, как тогда поле в Куцой. Не доказательно ни для кого, а только страшно, жутко. А работа моя все время вращалась около ямки этой. Следствие, материалы, стычки с товарищами, наводнившими вдруг коридоры и комнаты нашей чека. Бесстрашно сражалась я с ними, отстаивая на законных основаниях то или иное решение, но во мне не было такой уверенности в своей правоте как у них, и я быстрее их сдавалась... И часто думала я: брошу, уйду, зачем мне это, когда есть [другая] работа и по душе, и более полезная. Но останавливало

потаенное чувство: хочу все видеть, все знать. И злой смерч крутил меня и нес дальше и дальше по тропинке мертвыми окруженной»⁴².

Она считала, что убивать нужно милосердно, и не осквернять трупы, но эта страшная работа неизбежна. Ее мысли — отражение распространенного тогда явления. В 1918 г. не было принято задумываться о пределе натиска на тех, кто попадал под категорию «контрреволюция». И причина этого была в убеждении, что противников революции — маленькая кучка, нужно быстро ликвидировать ее и перейти к созидательной части, пока не остыл революционный энтузиазм масс. Подобные суждения легко можно встретить и в речах В. И. Ленина, и в обращениях Ф. Г. Подделкова, а также многих рядовых участников революции⁴³.

Но в один вечер Нина и Тамара стали свидетелями махновского судилища в ресторане Гранд-отеля. Вид издевательств над явно невиновными людьми довел их до истерики. В Нине произошел надлом: «И глубоко-глубоко [мне] в душу зашел страх перед [этими] темными силами, и от страха этого не могла я отделаться до самого конца махновской власти в Бердянске... После того вечера в Гранд-отеле мы с Тамарой понесли такую полуфилантропическую ахинею в нашей почтенной чрезвычайке, что вскоре наши парткомы отозвали нас и дали нам другую работу»⁴⁴. Но пацифисткой Введенская не стала. В июне махновцы уходили из города, а Введенская оставалась для подпольной борьбы, и она чувствовала себя готовой к новому этапу. Она пишет об этом так: «Конкретные ужасы расстрелов понемногу теряют свою остроту и опять дают возможность легко думать и говорить о борьбе классов. И не страшна работа, когда думаешь о результатах ее. А результаты? А их нужно уметь видеть». Город покинул уже последний махновец, но деникинцы еще не вошли в него. Введенская ходит, подвязавшись платком по-крестьянски, и ее никто не узнает. Она внимательно наблюдает и прислушивается к разговорам: «В уме подсчитываю, сколько за зиму нам удалось выудить заблудших. И снова вижу перед собой безбрежное море жизней, в которые следует вмешаться и направить в свое русло»⁴⁵.

«Надо создать тип женщины русской революции, — говорила Лариса Рейснер, — французская революция свой тип создала. Надо и нам». Как писала Надежда Мандельштам, выслушавшая эту фразу, ей хотелось создать прототип, и себя она предназначала для этой роли. Для этого она переходила через фронты, ездила в Афганистан и в Германию⁴⁶. Но пример Ларисы не может быть типичным. Лучше попробовать создать этот тип из женщин, чьи имена Большой истории неизвестны. Попытки обобщения предпринимались, например, в отношении архангельских крестьянок-связных, которые помогали красным партизанам: «женщина не из робких, надежная — свой человек по взглядам; сообразительная — нужно передать записку, она нашла ей надежное место, скрутила тонкой трубочкой и вплела в косу»⁴⁷. Командир одного из партизанских отрядов М. С. Пировов соглашался, чтобы женщины ходили «в разведку», ведь приносить новости — дело

для них обычное. Но верить женщинам можно было далеко не всегда: например, они сообщили С. Ф. Ветошину, командиру отряда, стоявшего в Керге, что в Матнему ночью войдут 50 белогвардейцев (это был ложный слух), и тот побоялся выдвинуться туда, хотя Пирогов послал ему записку прибыть в Матнему, чтобы принять участие в аресте перепившихся белых. Баб интересовал процесс⁴⁸.

С. Понятовская, будучи беременной, бегала под пулями, была три раза ранена, из них дважды очень тяжело⁴⁹. Она не поясняет свое безрассудное поведение. Дело может быть в преодолении таким способом своей женской натуры, на которой стояло клеймо второсортности. Нередки случаи, когда женщины громко объявляли свое мнение, выражали протесты против особого отношения к себе⁵⁰. Е. Я. Драбкина вспоминала, что накануне штурма Кронштадта вышел приказ командования: врачам и санитарам-мужчинам с санитарным имуществом прибыть в штаб; женщин не брать; им быть в госпитале готовыми к приемке раненых. Женский персонал возмущен и негодует. Как?! Подобное отношение к женщинам на четвертом году революции, и к тому же в самый канун Восьмого марта?! В выполнении заданий женщины были особенно последовательны и целеустремлены. Бывший председатель волисполкома А. М. Боженков вспоминал: «...Надо срочно отправить мины, а все лошади пасутся без пастухов. Послал нарочного по деревням, но лошадей не нашли. Все это время представитель командования при минах, женщина, ходит за мной и приставляет к моему виску пистолет и грозит, что пристрелю. А я ей — пристрелить не поздно, а надо сначала отправить мины. Решил на лодках. Она — нет, все потопите. Я ее успокоил, и доставили в Турчасово»⁵¹.

Большевики устояли еще и потому, что им удалось ограничить женскую активность в тылу. «Приручить» тыл, в их понимании, значило усилить стабильность своего положения. Тем более была гениальной идея с помощью женщин пытаться решать наиболее болезненные для них проблемы. Например, помощь продотрядам в предъявлении продовольственных запасов оказывали чаще всего женщины, поскольку за такую выдачу своих односельчан (которую мужчины считали делом неприличным) полагалась продуктовая «премия» («Кулаки прятали в ямы, в леса... женщины сказывали коммунистам»⁵²). То же касалось выдачи контрреволюционеров; как правило, такими «предателями» были женщины, поскольку забота о семье, о детях для них была выше любых других принципов. Эту активность важно было направить в условиях усиливавшегося продовольственного кризиса: ведь то, что переживала страна в 1918-м и последующие годы, не шло ни в какие сравнения с хлебным дефицитом в столице в феврале 1917 г.

В 1919 г. на территории советской России при комитетах партии стали возникать женотделы, во главе которых находились коммунистки с некоторым опытом. Делегатки, или выдвиженки, для работы по поручениям женотделов выбирались на собраниях работниц и крестьянок или назначались инструкторами женотделов, партийными организациями

и комитетами. Делегаток сначала обучали: они разбирали бухаринскую «Азбуку коммунизма», слушали лекции по истории и политике, а потом и сами вели антирелигиозную пропаганду и разъяснительную работу «против векового угнетения капитала», организовывали революционные праздники и тематические кампании: День красной казармы, Неделю ребенка. Делегаток поощряли: выдавали хлеб, картофель, мануфактуру. На долю женщин-активисток (так называемых «организованных женщин») пришлось участие в субботниках, то есть бесплатный труд по стирке и шитью белья для красноармейцев и учреждений социального обеспечения, и т. п. В прифронтовой зоне женщин привлекали по трудовинности к транспортировке раненых, и даже боеприпасов, к рытью окопов. Они не возражали, поскольку их поощряли различными премиями в виде продовольствия, дров, мануфактуры.

«Разбуженные» женщины вскоре стали создавать немало проблем советским активистам. Когда началось «затягивание ремней» в период военного коммунизма, мужчины долго старались не признавать, что оказались обманутыми. Женщины же оказывались в первых рядах борьбы с новыми законами. В Вельском уезде Вологодской губернии при решении земельного спора начался крик, «неорганизованный спор сопровождался жестикуляцией, иногда показом кукиша и языка, а одна женщина повернулась, похлопала себя по заду со словами "на-на, выкуси!"». В Шенкурском уезде Архангельской губернии обсуждение на волостном сходе «текущего момента» свелось к требованиям завоза продовольствия. Одна женщина попросила слова, вышла и заявила исполкому: «Всех бы вас *** скласть, три раза нитками сшить и по-старому жить!»⁵³ Были случаи, когда женщины требовали на собрании продовольственного комиссара и обрушивались на него с упреками и угрозами: «сшибем его с лестницы, если не обеспечит нас мылом»⁵⁴. Обычными были различные «бабьи бунты» и жестокие расправы с теми, кто пришел «отбирать хлеб, мужиков». Агитатор, занимавшийся разъяснением мероприятий советской власти в одной из деревень, оказался в опасности: «На собрание явилось около 100 женщин и несколько всего мужиков. ...Женщины, подстрекаемые учительницей, собрались с целью меня убить как германского шпиона». Незадолго до этого в этой деревне уже был случай — в реке утоплен бабами секретарь волисполкома⁵⁵.

В. И. Суздальцева, секретарь Архангельского губкома, так объясняла необходимость продолжать работу среди женщин: «Еще в Февральскую революцию женщины принимали самое активное участие. И это понятно: во время революционного подъема женщины идут с энтузиазмом, а когда настает затишье, они перестают работать. В контрреволюционный период она, наоборот, переходит во враждебный лагерь. Ими пользуются наши враги, они, опираясь на их темноту, проводили даже восстания, а где причина этого? Разве в том, что женщина по существу контрреволюционна? Нет и нет. Есть другие причины. Они долго были в кабале, их всегда лишали всяких прав... Вы, тов., должны на местах ра-

ботать по поднятию у женщин сознания. Тогда наши силы удвоятся»⁵⁶. Делегатское движение продолжало существовать, поскольку были втянувшиеся в советскую активность люди. Действительный его кризис наступил после окончания гражданской войны.

Послевоенные годы для всех ветеранов обернулись обманом надежд — советская власть оказалась не такой, как мечталось; жизнь не была похожа на коммунистическое чудо; а у бывших красноармейек были собственные разочарования — они оказывались одиночками, потеряв родных и близких. Немалая их часть не была замужем, но имела на иждивении ребенка. Нередко у них имелись неврологические или психиатрические диагнозы. Они явно страдали от нехватки тех чувств, которыми жили в годы войны. Екатерина Украинская, в 1929 г. — уполномоченная по хлебозаготовкам Тимашевского райкома ВКП(б) Северо-Кавказского края, написала некоему Смирнову — как она надеялась, своему однополчанину, — редкое по эмоциональности письмо:

«Дорогой тов. Смирнов! Если, правда, что это ты, если, правда, что ты существуешь в советской стране, родной любимый товарищ. Я, наверное, никогда не буду так счастлива, как [от] этого факта... Для меня [была] такая дикая радость, когда я только услышала о том, что ты живой и меня помнишь. Как только получишь вот это письмо, дорогой товарищ, пиши мне, кто бы ты ни был, если даже ты носишь фамилию Смирнова, но не тот Смирнов-таманец, и не знаешь меня Катю Украинскую, я тебя так прошу ответить мне...

...Я живу в Краснодаре, работаю в школе II ступени учительницей, работаю в окружном ВКП(б) секретарем журнала. Замужем. Один ребенок. Девочка Людмила. Муж — беспартийный спец. Я очень страдаю от его беспартийности и не люблю его, так как когда я в партии ВКП(б), [там] меня любят и считают хорошей работницей. Уклонам никаким не подвержена. Были большие переживания у меня в момент оппозиционных споров, но правый уклон [ко] мне ни на одну минуточку не привился. Я бесконечно верю в мощь и силу рабочего класса и горячо люблю советскую страну.

...Дорогой т. Смирнов! Милый! Ты даже не можешь себе представить мою радость, что я увижу еще тебя. Ох, если бы [это] была правда! Где Юля? Ты женат? Дети есть? Я так хочу знать о тебе много и подробно. Где т. Батурин⁵⁷? Если ты знаешь его, то горячо расцелуй его. Я теперь стала настоящей коммунисткой... я теперь терпеливая, все снесу и никогда не плачу...»⁵⁸

Советская власть с тем, чтобы компенсировать дефицит эмоции восторга и радости, учредила традицию чествования героинь труда, которые проработали много лет на одном месте. Например, в Пскове первыми поздравили работавшую на железной дороге с 1907 г. сторожиху и рабочую кожевенного завода⁵⁹. Начавшаяся эпоха обличения врагов народа стала для многих возвращением к недостающему состоянию борьбы. Нам более знакома атмосфера 1930-х гг., описанная в произведениях А. Рыбакова, Ю. Трифонова, Ю. Домбровского, но была и другая реальность — кто-то увидел в этом свежий ветер перемен.

Анализ источников свидетельствует о том, что степень революционности русских женщин преувеличена как в науке, так и в общественном мнении. Им можно инкриминировать особенно в начальный период революции роль провокатора, и то, что они не стали фактором сдерживания деструктивных процессов. Такое характерное подстрекательское поведение женских «низов», какое зафиксировано в 1917-м и последующих годах, может быть объяснено местом женщины в народном правосознании — так же как и дети, душевнобольные, они обладали ограниченной правосубъектностью, и в том числе криминальной деликтоспособностью. Неслучайно вельские крестьяне в 1921 г. утверждали перед следствием, что избивание активистов и милиционеров, разгром волисполкома, разграбление хлебных складов с собранным по продразверстке хлебом было сделано бабами, причем беременными. Зато женские мемуарные тексты помогают понять прошлое глубже, чем официальные документы и мужские воспоминания: никто так, как женщина, не дорожит своим прошлым, и никто не стремится так полно передать память о нем следующим поколениям.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-01-00025 «Женский революционный нарратив: исторический, психологический, социальный контекст»).

² *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. СПб., 1906 // <http://lib.rin.ru/doc/i/39545p75.html> (дата обращения: 28.11.2014).

³ *Меньшиков М. О.* Памятник Св. Ольге (1907) // <http://www.russdom.ru/oldsayte/mom/m1/m130.html> (дата обращения: 30.09.2010).

⁴ В постсоветское время женское воплощение революционности интерпретировались с помощью культурологических подходов (*Лотман Ю. М.* 1) Культура и взрыв // *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 12–149; 2) Изъявление Господне или азартная игра? // *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа.* М., 1994. С. 353–363; *Мозильнер М.* Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начале XX века. М., 1999). — Морально-этические и психологические мотивы участия женщин в террористической деятельности освещены в сборнике: Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы / Сост. О. В. Будницкий. Ростов-н/Дону, 1996.

⁵ О признаках так называемого псевдогендерного похода см.: *Блохина Н. А.* Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // <http://www.gender-cent.ryazan.ru/blohina.htm> (дата обращения 10.08.2015).

⁶ *Вебер М.* Критические исследования в области логики наук о культуре // *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990. С. 416–494.

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3053. Л. 3.

⁸ Подробнее см.: *Трошина Т. И.* «Как нитка за иголкой»: Приход женщин-простолюдинок в революцию (по воспоминаниям женщин-работниц) // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: Мат-лы VI междунар. науч. конф. РАИЖИ. Нальчик; М., 2013. С. 78–79.

⁹ Об этом см.: *Трошина Т. И.* «Мир принесла или меч?» («Женский след» при перерастании «войны империалистической в гражданскую») // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Мат-лы Седьмой междунар. конф. РАИЖИ и ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, О. Д. Попова. Т. 2. М., 2014. С. 201–210.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее — ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 26. Л. 4.

¹¹ *Нирьянов Ю. И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914–февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 8–9.

¹² Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. Оп. 4. Д. 603. Л. 9–10.

¹³ *Ряженцева А.* В лапах Шкуро // Женщина в Гражданской войне. Эпизоды борьбы на Сев. Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. / Сост. И. Разгон, В. Горбункова и А. Мельчин. Б. м., 1938. С. 141–144.

¹⁴ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 581. Л. 14.

¹⁵ Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1293. Оп. 1-л. Д. 66. Л. 64 об.–65.

¹⁶ Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 21. Л. 6.

¹⁷ Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–2.

¹⁸ *Мартыненко Г. А.* Комкор Дмитрий Жлоба. М., 1985. С. 94.

¹⁹ *Сологуб А.* «Невеста» // Женщина в Гражданской войне. С. 67–70.

²⁰ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 19. Л. 32.

²¹ *Зимина-Защепкина М.* Во имя жизни // Незабываемые годы. Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны на Ставрополье. Ставрополь, 1960. С. 121–129.

²² ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 26. Л. 8–10.

²³ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 1–3.

²⁴ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 144. Л. 1–32.

²⁵ Там же. Л. 14.

²⁶ *Балахонов Н. Я.* Страницы из жизни Якова Балахонова. Карачаевск, 1957. С. 32.

²⁷ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 284.

²⁸ Подробнее об этом: *Трошина Т. И.* Пинежские «валеты»: восстание перевертышей в ноябре 1919 года // Родина. 2011. № 2. С. 93–97.

²⁹ *Макушенкова Ф.* В камышах // Женщина в Гражданской войне. С. 132–134; *Соколова Т.* По этапу // Там же. С. 124–130; *Шейко М.* В застенке у белых // Там же. С. 122–124.

³⁰ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 720.

³¹ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1. С. 39.

³² ГАРО. Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 1674. Л. 2.

³³ Там же. Л. 22–22 об.

³⁴ Там же. Л. 21.

³⁵ Государственный архив Днепропетровской области. Ф. Р-4533. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–31.

³⁶ ГАРО. Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 2456. Л. 11–12.

³⁷ *Морозова Н.* Мария Бочкарева — русский солдат // http://selfmade.ucoz.ru/blog/marija_bochkareva_russkij_soldat/2009-09-07-3 (дата обращения: 20.08.2015).

³⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1122. Л. 24, 25, 33 об., 35, 43.

³⁹ ГАРО. Ф. Р-3442. Оп. 1. Д. 43. Л. 3, 5, 9.

⁴⁰ Государственный архив Латвии. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 17. Л. 36; Д. 29. Л. 141.

⁴¹ Государственный архив Днепропетровской области. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 88.

- ⁴² Там же. Л. 213.
- ⁴³ См. подробнее: Морозова О. М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д., 2012. С. 297–300.
- ⁴⁴ Государственный архив Днепропетровской области. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 221.
- ⁴⁵ Там же. Л. 251.
- ⁴⁶ *Мандельштам Н. Я.* Воспоминания / Подгот. текста Ю. Л. Фрейдина; примеч. А. А. Морозова. М., 1999. [Кн. 1]. С. 129.
- ⁴⁷ ГААО. Ф. 780. Оп. Д. 8. Л. 140.
- ⁴⁸ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 431. Л. 4–5.
- ⁴⁹ *Понятовская С.* Юность // Женщина в Гражданской войне. С. 101–105.
- ⁵⁰ ГААО ОДСПИ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.
- ⁵¹ Там же. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 24. Л. 6–7.
- ⁵² Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 130. Л. 2.
- ⁵³ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 10–11, 17.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 5. Д. 68. Л. 26.
- ⁵⁵ Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 42. Л. 51.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 1835. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
- ⁵⁷ Вероятно, Н. Г. Батулин, начальник штаба Таманской армии, покончивший с собой в 1925 г.
- ⁵⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6. Л. 110.
- ⁵⁹ Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 1. Оп. 4. Д. 620. Л. 65.

УДК 94(47).084.3

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.201

Морозова О. М., Трошина Т. И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 8–30

АННОТАЦИЯ: Статья продолжает серию публикаций авторов, построенных на ветеранских воспоминаниях участников гражданской войны в России (1917–1920) и дополненных источниками синхронного характера — документооборотом советских органов власти и частей Красной Армии. Психолингвистический анализ женских мемуаров из коллекций Истпарта показал, что для большинства их авторов была характерна традиционная модель поведения, которая парадоксальным образом способствовала их вовлечению в политические события. В Красную Армию женщины в основном приходили вслед за мужской частью семьи, чтобы не оказаться в руках врага и не стать жертвой его мести. Число идейных среди них было невелико, в основном таковыми были участвовавшие в революционном движении до 1917 г. На строевых должностях в РККА женщины встречались крайне редко, будучи использованными в службах обеспечения. На основе архивных документов анализируется подоплека распространенных мифов об участии женщин в вынесении и исполнении приговоров. Женские низы города и села отличались подстрекательским поведением, поскольку в народном правосознании обладали ограниченной ответственностью за свои действия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданская война, Россия, женские нарративы, гендерная история

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Морозова О. М.* — доктор исторических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Россия); olgaifrost@gmail.com | *Трошина Т. И.* — доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия); tatr-arh@mail.ru

FOR CITATION:

Morozova O. M., Troshina T. I. **Woman's View at Men's Work: The Revolution and the Civil War through the Eyes of Women and Through Their Fates**, *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. P. 8–30.

ABSTRACT: The article continues the series of publications built on the memories of participants of the Russian Civil War (1917–1920), which complemented by synchronous documents of Soviet institutions and units of the Red Army. Psycholinguistic analysis of women's memoirs from the collections of «party archives», was conducted and it showed that for the majority of the authors was characterized by the traditional model of behavior, which, paradoxically, facilitated their involvement in political events. The women came to the Red Army, if there was already the male part of the family, in order not to fall into the hands of enemies and do not become a victim of their revenge. Among these women were few ideological; mainly «ideological» were those who participated in the revolutionary movement before 1917. Women rarely occupied combatant positions in the Red Army. They were commonly used in the services providing the front and rear (typists and other lower positions in the headquarters, cultural workers, medical personnel). The authors analyzed on the basis of archival documents underpinnings common myths about women's participation in the making and the enforcement of sentences. The authors analyzed on the basis of archival documents underlying reason widespread myths about women's participation in the making and the enforcement of sentences. On the other hand, marked, that women from the lower strata of the towns and villages were often the instigators, provokers. This behavior is explained by the fact that in the legal representation of the lower strata of society the women do not be fully responsible for their actions.

KEYWORDS: Russia, Civil War, women's narratives, historical gender studies

AUTHORS: Morozova O. M. — Doctor of History, Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia); olgafrost@gmail.com | Troshina T. I. — Doctor of History, Professor, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia); tatr-arh@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Cabanès A., Nass L. *Revoljucionnyj nevroz* (St. Petersburg, 1906).
- ² Lotman Yu. M. *Semiosfera* (St. Petersburg, 2000).
- ³ Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaja semioticheskaja shkola (Moscow, 1994).
- ⁴ Mogilner M. *Mifologija «podpol'nogo cheloveka»: Radikal'nyj mikrokosm v Rossii nachale XX veka* (Moscow, 1999).
- ⁵ *Moralno-jeticheskie i psihologicheskie motivy uchastija zhenshhin v terroristicheskoj dejatel'nosti osveshheny v sbornike: Zhen-shhiny-terroristki v Rossii. Beskorystnye ubijcy*, Comp. O. V. Budnitskiy (Rostov-on-Don, 1996).
- ⁶ Weber M. *Izbrannye proizvedenija* (Moscow, 1990).
- ⁷ Troshina T. I. «Kak nitka za igolkoj»: Prihod zhenshhin-prostoljudinok v revoljuciju (po vospominanijam zhenshhin-rabotnic) in *Rossijskaja gendernaja istorija s «juga» na «zapad»: proshloe opredeljaet nastojashhee: Materialy VI mezhdunar. nauch. konf. RAIZhI* (Nalchik – Moscow, 2013).
- ⁸ Troshina T. I. «Mir prinesla ili mech?» («Zhenskij sled» pri pererastanii «vojnj imperialisticheskaj v grazhdanskuju») in *Pol. Politika. Polikulturnost. Gendernye otnoshenija i gendernye sistemy v proshlom i nastojashhem: Mat-ly Sed'moj mezhdunar. konf. RAIZhI i JeA im. N. N. Mikluho-Maklaja RAN, 9–12 October 2014, Ryazan*, Eds. N. L. Pushkareva, O. D. Popova, Vol. 2 (Moscow, 2014).
- ⁹ Kiryanov Yu. I. 'Massovyje vystuplenija na pochve dorogovizny v Rossii (1914 – fevral 1917 g.)', *Otechestvennaja istorija*, no. 3, 1993.
- ¹⁰ Ryazhentseva A. 'V lapah Shkuro' in *Zhenshhina v Grazhdanskoj vojne. Jepizody borby na Sev. Kavkaze i Ukraine v 1917–1920 gg.*, Comp. I. Razgon, V. Gorbunkov, A. Melchin (1938).
- ¹¹ Martynenko G. A. *Komkor Dmitriy Zhloba* (Moscow, 1985).
- ¹² Zimina-Zashchepkina M. 'Vo imja zhizni' in *Nezabyvaemye gody. Vospominanija uchastnikov revoljucionnyh sobytij i grazhdanskoj vojny na Stavropole* (Stavropol, 1960).
- ¹³ Balakhonov N. Ya. *Stranicy iz zhizni Yakova Balakhonova* (Karachaevs, 1957).
- ¹⁴ Troshina T. I. 'Pinezskie «valety»: vosstanie perevertyshej v nojabre 1919 goda', *Rodina*, no. 2, 2011.

- ¹³ Sologub A. '«Невеста»' in *Zhenshhina v Grazhdanskoj vojne. Epizody borby na Sev. Kavkaze i Ukraine v 1917–1920 gg.*, Comp. I. Razgon, V. Gorbunkov, A. Melchin (1938).
- ¹⁴ Makushenkova F. 'V kamyshah' in *Zhenshhina v Grazhdanskoj vojne. Epizody borby na Sev. Kavkaze i Ukraine v 1917–1920 gg.*, Comp. I. Razgon, V. Gorbunkov, A. Melchin (1938).
- ¹⁵ Sokolova T. 'Po etapu' in *Zhenshhina v Grazhdanskoj vojne. Epizody borby na Sev. Kavkaze i Ukraine v 1917–1920 gg.*, Comp. I. Razgon, V. Gorbunkov, A. Melchin (1938).
- ¹⁶ Sheyko M. 'V zastenke u belykh' in *Zhenshhina v Grazhdanskoj vojne. Epizody borby na Sev. Kavkaze i Ukraine v 1917–1920 gg.*, Comp. I. Razgon, V. Gorbunkov, A. Melchin (1938).
- ¹⁷ Braudel F. *Materialnaja civilizacija, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.*, Vol. 1 (Moscow, 1986).
- ¹⁸ Morozova O. M. *Antropologija grazhdanskoj vojny* (Rostov-on-Don, 2012).
- ¹⁹ Mandelshtam N. Ya. *Vospominanija*, Ed. Yu. L. Freidin, Comm. A. A. Morozov (Moscow, 1999).
- ²⁰ Ponyatovskaya S. 'Yunost' in *Zhenshhina v Grazhdanskoj vojne. Epizody borby na Sev. Kavkaze i Ukraine v 1917–1920 gg.*, Comp. I. Razgon, V. Gorbunkov, A. Melchin (1938).